

Десять лет с конфискацией — для Евгения Онегина

В 1920-х годах вошли в моду школьные театрализованные суды над литературными героями и их авторами

«Родина» писала о том, как народ в России в XIX веке развлекался театрализованными шарадами¹ и «живыми картинами»². Им на смену в послереволюционные годы пришли разнообразные театрализованные суды, которые чаще всего организовывались школьниками. Побываем на некоторых из них.

«Тут Ленька, то есть товарищ прокурор...»

В повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД», описывающей жизнь петроградской школы в 1920–1923 гг., читаем: «Литкружок стал устраивать... собрания... Появились литературные суды над героями классических произведений...»³

И. Шкаровская в повести «Никогда не угаснет» описывает литературный суд, проходивший у шестиклассников в 1920-е гг. над героями поэмы А.С. Пушкина «Цыганы»: «К столу выходит Леня Царенко, генеральный прокурор. Он... произносит обвинительную речь:

— Я обвиняю Алеко в том, что он бросил город и свою работу. Чем он занимается? «Алеко с пеньем зверя водит!» Разве это дело для сознательного члена общества? К тому же он совершил подлость, убив Земфиру. Разве она виновата в том, что полюбила другого? Я согласен со старым цыганом и со всей цыганской массой, которая осудила его. Все.

Леня садится на место.

— А кто у нас обвиняет Земфиру? — Лидия Михайловна улыбается.

Черепок становится посередине комнаты... и одним духом выпаливает:

— Тут Ленька, то есть товарищ прокурор, сказал про Земфиру: она не виновна, что полюбила другого. Как это так — не виновна! А зачем она голову морочила Алеко? Лично я не могу уважать таких женщин. Она просто пустышка, Земфира, и поступок этот очень подлый.

¹
Кадр из фильма «Республика ШКИД».

²
К. Клементьева. Сцена убийства Земфиры Алеко. Иллюстрация к поэме А.С. Пушкина «Цыганы». 1936 г.

Вовкина речь вызывает целую бурю:

- Правильно!
- Неправильно!
- Черепок ничего не понял!
- Он все понял!

Лидия Михайловна... любит, когда вокруг литературного произведения разгораятся такие жаркие споры. Наступает черед Инки, она защитник Земфиры.

— Моя подзащитная Земфира — цыганка. — Инка начинает свою речь, как настоящий адвокат. — Домом Земфире служил шатер. С детства она выше всего ценила свободу. Разве она виновна в том, что полюбила другого?

На миг в группе становится тихо. И вдруг с места вскакивает Вера Рябчук:

— Виновна! Я ее ненавижу, эту Земфиру!..

Вера выходит к столу и пылко говорит:

— Я согласна с Черепановым. Я обвиняю Земфиру. Любить нужно только одного... до гроба.

Глубоко вздохнув, Вера идет между рядами парт к своему месту. Все молчат...

Но тут раздается звонок»⁴.

Еще более подробную картину литературно-го суда в школе представил В. Каверин в повести «Два капитана»: «Кто-то... предложил поставить «Суд над Евгением Онегиным» как пьесу, в костюмах, и сразу о нем заговорила вся школа.

Для главной роли был приглашен... Гришка... Общественным обвинителем был наш воспитатель Суткин, а председателем — я...

В парике, в синем фраке, в туфлях с бантами, в чулках до колен преступник сидел на скамье подсудимых и небрежно чистил ногти сломанным карандашом. Иногда он надменно... посматривал на публику... Должно быть, так, по его мнению, вел бы себя при подобных обстоятельствах Евгений Онегин...

— Признаете ли вы себя виновным в убийстве под видом дуэли, — сказал я, — поэтa Владимира Ленского?

— Никогда! — надменно отвечал Гришка. — Дуэль — не убийство.

... Общественный обвинитель... доказывал, что хотя Ленского убило помещичье и бюрократическое общество начала XIX века, но все-таки Евгений Онегин целиком и полностью отвечает за это убийство, «ибо всякая дуэль — убийство, только с заранее обдуманым намерением». Словом, общественный обвинитель считал, что Евгения Онегина нужно приговорить к десяти годам с конфискацией имущества.

— Суд удаляется на совещание...

... Большинство членов суда согласилось с общественным обвинителем. Десять лет с конфискацией имущества... Но я сказал, что это несправедливо... Сошлись на пяти годах».

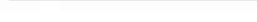
Суд мог осуществляться не только над героями изучаемых в школе произведений, но и над героями «актуальных» произведений современных авторов. Так, писатель А. Шаров вспоминает о том, как в московской школе-коммуне было решено устроить суд над героем «только что вышедшей» (повесть была напечатана в журнале в 1922 г. и отдельной книгой в 1925 г.) «и очень всех взволновавшей» повести А.И. Тарасова-Родионова «Шоколад».

Герой повести влюбился в женщину красивую, но «чуждую по социальному происхождению», и «стал дарить ей цветы, шоколад, чулки. Это увлекло его в пропасть». Учительница обращается к герою-повествователю: «Знаешь что, — проговорила Ольга Спиридоновна почти заговорщически, — через месяц литературный суд над повестью «Шоколад» Тарасова-Родионова. Фунт будет прокурором, хочешь выступить защитником?» Читаем далее: «Я помню афишу о суде, название повести, выведенное огромными красными буквами, и изображенные буквами поменьше имена председателя суда, прокурора и мое — защитника. Во всех углах свидетели обвинения... репетировали, читая... отрывки из повести». Ход суда в книге не описан, сообщается лишь, что героя повести осудили»⁵.

° 3

Обложка книги Л.А. Чарской «Паж Цесаревич».

° 4

И. Репин. Дуэль Ленского и Онегина. 1899 г.

Суды до хрипоты

Театрализованный суд могли осуществлять не только над литературными героями, но и над авторами. По утверждению литературоведа Е.О. Путиловой, после революции «в классах устраивались церемонии «суда» над автором популярных дореволюционных детских повестей Лидией Чарской»⁶. Прибавим к этому утверждению полученный в 1980-е гг. автором статьи ответ от одного из известных писателей на вопрос, доводилось ли ему в детстве читать книги Чарской: не только читал, — писал он, — но даже выступал ее обвинителем в школьном суде.

Судить могли и давно умерших исторических личностей. Так, из повести И. Гуро мы узнаем, что старшеклассники (выпускники «школы второй ступени») в первой половине 1920-х гг. с той же легкостью, с какой осуществляли суд над литературным персонажем, судили и древнегреческого философа Платона:

«Мы... спешили в нашу школу — на суд.

В то время мы все кого-то судили. Например, был общественный суд над Евгением Онегиным.

— А за что его судить? — удивлялась Наташин мама. — В чем он виноват?

Мы разъясняли ей, что Евгений Онегин — типичный продукт дворянско-помещичьего режима, ретроград, его надо беспощадно разоблачать в глазах масс...

Наташин папа сказал:

— Подымать производство надо, а вы — болтуны.

После этого... мы пошли судить греческого философа Платона.

Суд продолжался очень долго. В те годы все: заседания, митинги, диспуты — продолжалось очень долго. Пока ораторы не начинали

хрипеть. А у нас в школе — пока не вошел сторож Кондрат...

Здорово я ему жизни дала, Платону! Этому типичному представителю афинской аристократии, белогвардейскому идеалисту! Моя обвинительная речь произвела сильное впечатление на Кондрата. Он спросил:

— И где ж подсудимый?

Я сказала, что Платон умер в 347 году до нашей эры. Кондрата это почему-то обидело, и он тут же объявил, что «зачиняет помещение»⁷.

Федя-большевичок долго не соглашался изображать эсера

Обратимся к повести Николая Яценко «Искры не гаснут», описывающей события на Дальнем Востоке в 1920 г. Вначале комсомольцы предлагают ученикам провести литературный суд: «Около депо... стоял... паровоз... Митя Мокин... выглянув в окно машиниста, подставил лицо свежему, морозному воздуху.

— Эй, братва! — крикнул он проходившим по путям Косте и Вере.

Ученики подбежали к паровозу. Митя... прыгнул вниз...

— Дело такое!.. Ты, Кравченко, знаешь Евгения Онегина?

— Знакомились с ним в классе в прошлом году, — ответил Костя. — А что?

— На уездном съезде рассказывали, что в городе одна заводская ячейка судила этого Онегина и объявила ему общественное порицание... А комсомольцы-железнодорожники устроили суд над этим... ну, который гайки отвинчивал и к неводам их заместо грузил привязывал...

— Злоумышленник! Чехов про него написал! — подсказала Вера.

— Вот-вот, злоумышленник!.. Так этого оправдали начисто! Человек он темный, из деревни. Царей надо винить, а не его. Некоторые не хотели оправдывать, тогда проголосовали, спасли все-таки мужика от тюрьмы... Вы вот что, братва! Подумайте, кого бы нам покрепче осудить, поищите в книжках...»⁸.

И вот картина политического суда над эсерами:

«Афиши звали жителей поселка на политсуд... Зрительный зал нардома был забит до отказа. Люди стояли в проходах, мостились на подоконниках, толпились в дверях...

Суд разместился на сцене за большим столом. Председательствовал Митя Мокин... Чуть в стороне от большого стола, за маленькой тумбочкой устроился обвинитель. На эту роль уговорили телеграфиста Уварова... На длинную скамью, лицом к зрителям посадили обвиняемого. С трудом в нем можно было узнать Федю-большевичка. Он долго не соглашался изображать эсера. «Больше некому, — сказал ему Блохин, — у тебя язык хорошо привязан». Только этим

№ 5, 6

Иллюстрация сцены литературного суда к повести Н. Яценко «Искры не гаснут».

и убедили парня... На голову Феде надели парик-лысину... усики нарисовали черные... В костюмерной нардома подобрали для него старый фрак и цилиндр, в руки дали трость с металлическим набалдашником... На носу кое-как держалось пенсне, вернее, заржавленная оправа без стекол.

Мокин объявил судебное заседание открытым.

— Слушается дело по обвинению эсера в предательстве интересов пролетариата... Обвиняемый, встать!

Эсер медленно поднялся, снял цилиндр, поправил на носу пенсне, кашлянул, скривил туловище в сторону суда и крикливо начал:

— Кто вы такие, чтобы меня судить? Нас, социалистов-революционеров, может судить только история... Да-с!

— Ишь ты, шура! — не выдержал в первом ряду машинист Храпчук.

Эсер поверх пенсне посмотрел на Храпчука, махнул на него цилиндром...

— Я сам буду вас обвинять. Это вы, большевики, обманули народ. Да-с!..

Храпчук ударил шапкой об пол, подскочил к сцене, готовый с кулаками наброситься на эсера...

Председателю суда понравилось такое дополнение к инсценировке... Тем временем эсер напялил на голову цилиндр, покрутил в руке трость.

— Да-с! Большевики на весь мир прославились своей жестокостью... Недавно поселковые коммунисты и комсомольцы, так называемые чо-

новцы, расстреляли русских интеллигентов...

Зрители зашумели, затопали. Раздались возмущенные возгласы:

— Ну и жаба!

— Заткните ему глотку!

Председатель суда и сам не знал, где инсценировка, а где настоящая жизнь.

Эсер, нарушая план, перегнулся в зал, потряс тростью.

— Кто это хочет заткнуть мне глотку? А ты знаешь, щенок, что я в царской тюрьме сидел?!.. Я в губернатора стрелял. Да-с! Что тебя интересует, молодой человек?..

— Почему эсеры в товарища Ленина стреляли?..

Зрители зашумели. Эсер вскочил на скамью, поднял трость.

— Комсомольская провокация! — кричал он. — Мне не дают говорить! Председатель суда, примите меры!.. Только мы, социалисты-революционеры, поднимаем знамя свободы... Большевики заведут вас в неволю, оставят в нищете. Да-с!..

Кто-то бросил в эсера палку, он запрыгал по сцене на одной ноге. Это не предусматривалось инсценировкой, и Митя постучал кулаком по столу.

— Братва, вы не шибко того!..»⁹

Итогом суда стал не приговор, а призыв голосовать за большевиков, но изображавшему эсера досталось от одного из зрителей — пожилого бойца Народной армии Дальневосточной республики, который воспринял все происходящее слишком близко к сердцу¹⁰.

Путин против Ивана Грозного

Поветрие судебных театрализаций затронуло и медицинско-просветительскую сферу. Познакомимся с содержащимся в очерке М. Кольцова 1928 г. описанием суда над «бациллой никотина»:

«В клубе сегодня общественно-показательный суд над бациллой никотина. Будут выступать сначала оратор от Наркомздрава с докладом на тему: «О вреде курения в разрезе пятилетки Госплана», затем — общественный обвинитель, доктор Моисеенко с цифрами в руках и с спиритованными препаратами прокуренного и непрокуренного легкого. После него — защитник, инженер Халтуркин, со своими тезисами о пользе курения, поднимающего благодаря возбуждению организма производительность

труда. Затем будет допрошена сама «бацилла», роль которой поручена хорошенькой конторщице из правления, с директивой подкраситься и навести шик.

Дальше — свидетели, курящие и некурящие. Первые будут сообщать, что вследствие многолетнего курения их организм разъеден никотином до основания, что материальное положение их плачевно, культурный уровень низок... Другие, некурящие, будут рассказывать о том, что в первые же две недели после прекращения курения... аппетит улучшил-

ся... а заработок повысился...

После этого — опять прения сторон, заключительные реплики, затем обвиняемая исполнит последнее слово в виде куплетов с музыкой и танцами — «я папироска и тем горжусь!» Потом перерыв, опять совещание, вынесение приговора¹¹.

Постановочные, театрализованные, условные суды практиковались и позже. Так, примерно в 1965 г. участником литературного суда над героями «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова был шестиклассник Владимир Путин. Его учительница Вера Гуревич вспоминала: «Шестой класс Путин окончил с хорошими и отличными оценками... Ярко выступал на уроках русского языка и литературы, на которых разыгрывали сценки. Одна из них была посвящена суду над Иваном Грозным и купцом Калашниковым. Будущий президент в ней был адвокатом купца»¹².

7

Репетиция в театральном кружке. 1930-е гг.

¹ Борисов С.Б. Слава Ростропович изображал зайку: «Га-га-гарантии...» Как в былые времена стар и млад развлекались игрой в шарды // Родина. 2018. № 11. С. 131-133.

² Борисов С.Б. «Живые картины» минувших веков // Родина. 2019. № 1. С. 131-133.

³ Белых Г.Г., Пантелеев А.И. Республика ШКИД. Повесть. Л., 1973. С. 317.

⁴ Шкаровская И. Никогда не

угаснет. Повесть. М., 1963. С. 28-30.

⁵ Шаров, А. Окоем. Повести, воспоминания. М., 1990. С. 106-107, 121.

⁶ Путилова Е.О. Александра Анненская, Мария Пожарова, Леонид Пантелеев, Лидия Чарская // Детские чтения. 2018. Т. 13. № 1. С. 43.

⁷ Гуро И. Невидимый всадник. Роман. М., 1972. С. 17-18.

⁸ Яценко Н. Искры не гаснут. Повесть. Чита, 1962. С. 148-

149.

⁹ Там же. С. 154.

¹⁰ Там же. С. 160-161.

¹¹ Кольцов М. Избранные произведения в трех томах. Том первый. Фельетоны и очерки. М., 1957. С. 255-256.

¹² Светлакова А. Как Путин в школу ходил // Комсомольская правда [Газета нашего города. Челябинск]. 2021, 03.09. № 92 (27315). С. 13.